БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ

НЕ ПУСТИЛИ „НА ОГОНЕК...“

НЕ СЕКРЕТ, сколько горя и бедствия несут пожары. В огненной стихии ежегодно пропадают большие материальные ценности, и, самое ужасное, гибнут люди.

Не обходит стороной эта проблема и зону отчуждения Чернобыльской АЭС. Мы неоднократно информировали читателей об уровне противопожарной обстановки в 30-километровой зоне, сообщали, сколько и что сгорело за какой-то отрезок времени, интересовались мнением компетентных специалистов, как искоренить это зло хотя бы в рамках такого обособленного от других территорий региона, каким является зона отчуждения.

Годы, прошедшие после возникновения Чернобыльской катастрофы, воочию показали, что без должных мер по сохранности лесов, заброшенных сельхозугодий, при отсутствии хорошо оснащенных пожарных подразделений эту проблему с места не сдвинуть. И, отдадим должное, в этом направлении многое сделано и делается. Примером тому может служить прошедший 1993 год, когда, наконец, не было зафиксировано ни одного сколько-нибудь серьезного пожара. Хотелось бы надеяться, что и 1994 год не принесет роковых сюрпризов.

Но это может произойти лишь только в том случае, если сотрудники правоохранительных органов более активно будут выявлять поджигателей, поскольку уже давно никто не строит иллюзий, будто бы отселенные дома Чернобыльской зоны возгораются сами по себе. За каждым таким пожаром стоит конкретный виновник, которому, как правило, удается избежать наказания. Не скрывают своей озабоченности слабой работой в этой части своей деятельности и руководители Отдела внутренних дел зоны отчуждения. Как-то, помню, пришлось мне обсуждать этот вопрос с одним из руководителей ОВД. Он тогда посетовал, что вот-де сколько работаем, пытаемся мгновенно отреагировать на поступивший сигнал о поджоге, мчим группу задержания — и в холостую: ни поджигателя, ни его следов.

Правда, 1993 год, казалось бы, мог стать переломным в истории деятельности милиции в Чернобыльской зоне. Имеется в виду два случая задержания поджигателей на месте преступления, но при детальном изучении личностей и обстоятельств их противоправных действий оказалось, что эти люди не совсем, мягко говоря, отвечают за свои действия и по всем канонам могут быть только наказаны содержанием в клинике для душевнобольных, но никак в исправительной колонии.

Но вот в ночь со 2 на 3 января сего года в общежитии по ул. Кирова, 2-б, в одной из квартир загорелась дверь. Понятно, что двери сами по себе не загораются. К электросети они не подключены, как правило от печки далеко, тем более в панельных многоэтажных домах печей и вовсе не предусмотрено. Так что же случилось?

Утром этого же дня на селекторном совещании руководства НПО «Припять» с начальниками структурных подразделений объединения прозвучало: ночью к общежитию по ул. Кирова, 2-б, была вызвана пожарная машина. Вызов оказался ложным. Ничего не было, никакого пожара никто в глаза не видывал. Хотя вскоре редакция получила из отдельного военизированного пожарного отряда № 4 справку:

«Выписка из журнала ЦППС ОВПО-4. 3 января 1994 года в 3 часа 24 мин. поступило сообщение от гр. Индрисовой о том, что в г. Чернобыле по ул. Кирова, 2-б, кв. 26, загорелась дверь. Выехало первое отделение, оперативный дежурный Копычев. Сообщено на ЦППС «02» (то есть на пульт связи отдела внутренних дел.—**В. Р.**). В 3 часа 27 мин. прибыли к месту вызова — загорание обшивки двери ликвидировано жильцами до прибытия. 3 часа 37 мин. — возвращение.

Начальник ОВПО-4, подполковник внутренней службы В. В. МИТЛА».

Значит, пожар все-таки был? В таком случае, кто, как не милиция, владеет полной информацией, логично предположить? И вот я уже в кабинете начальника отделения уголовного розыска ОВД, майора милиции В. В. Гладченко с единственным вопросом: кто поджег дверь?

— Какой пожар, какие двери?

Объясняю, какие двери меня интересуют: когда все это произошло, хотелось бы и от него получить кое-какую информацию. И здесь вновь прозвучал вопрос, достойный войти в учебники по псевдокриминалистики:

— А вы откуда об этом знаете?

— Да так уж получилось, — отвечаю, — знаю.

Видя, что я и впрямь что-то знаю и просто так от меня не отвертеться, майор милиции пошел в наступление.

— А знаете ли вы, что интересующая вас информация является секретной, и никто до окончания следствия не должен знать ничего, особенно журналисты? Да, да, и не смотрите на меня так удивленно — я знаю, о чем говорю.

— Помилуйте, — недоумеваю, — я не прошу, чтобы вы мне показывали дело, скажите только одно: установлена ли личность поджигателя, как идет следствие, не оказывает кто-либо, как иногда бывает, давление со стороны? Потом, я к вам пришел не с улицы, служу в газете, то есть органе информации, и вы, по украинским законам, обязаны, если от этого не будет нанесен вред следствию или интересам державы, поделиться необходимой журналисту информацией.

— Ну зачем вам это знать? Давайте поговорим в общем о состоянии криминогенной обстановки в зоне отчуждения, так сказать посмотрим на зону с высоты птичьего полета.

— Отличная мысль, — говорю,— попорхать в воздухе, однако давайте сначала посмотрим на зону с высоты сгоревшей двери, а потом, если у вас сохранится такое непоборимое желание, поднимемся и повыше.

Тут, снова убедившись, что со мной так просто не сладить, Виктор Владимирович почти сдался.

— Ладно, скажу прямо. Да, действительно, такой случай был, но он не стоит и выеденного яйца, не то что драгоценной газетной полосы. Думаете, напечатаете очередной пасквиль и вам прибавится славы: ах, сгорела какая-то дверь! Если вы не хотите, чтобы над вами смеялись читатели — не пишите. Потом, если уж на то пошло, дверь загорелась совершенно случайно...

— А разве так бывает?

— Еще как бывает, сколько угодно. Ну, направим мы дело в суд, так над нами там еще и посмеются. Нет, определенно суд не найдет никакого криминала в этом деле, а нам потом красней. Пишите лучше о положительных примерах нашей суровой милицейской службы.

Как видим, из моего визита в ОВД ясности не прибавилось. Более того, нежелание поделиться информацией высокого работника правопорядка еще более затуманило наше дело: где зарыта собака?

Постепенно история с поджегом двери стала достоянием более или менее широкого круга вахтовиков, и, как невозможно утаить шило в мешке, слухи мгновенно распространились по всей зоне, кое-что дошло и до меня. Не знаю, насколько достоверен будет мой рассказ, но, думаю, он не очень расходится с действительностью.

Итак, некто, назовем его Славиком, почуял душевный зуд еще днем и, не придумав ничего более оригинального, забрался в оставленный без присмотра автобус (не в кафе ли «Житомир»?), выкрал бутылку водки и хорошенько ею подзаправился. Где он бродил потом, никто, убежден, и он в том числе, не знают. Однако где-то ближе к полуночи зуд возобновился, поэтому ничего не оставалось, как вновь искать спиртное и, как побочный продукт, на свою голову приключений.

Постучавшись после долгих мытарств в квартиру 26 по ул. Кирова, 2-б, куда он был, судя по всему, вхож ранее, потом еще и еще, — он понял, что домочадцы ему дверь сегодня открывать не собираются. Тогда, ополчившись, он тем же способом, что и при добыче водки, обзавелся бензином, ветошью — спички были свои. Первым сигналом, что его намерения отомстить обидчикам, не пустившим «на огонек», более чем серьезны, стал факел, полетевший через форточку на кухню (квартира 26 расположена на первом этаже). Находящиеся в квартире хозяйки и их гость, сотрудник милиции, быстро потушили тряпку, вспыхнувшие занавески и еще кое-какую дребедень, но дверь все-равно не открыли. Видимо, решили стоять до конца.

Спустя еще какое-то время, мирно попивая — в три часа ночи — «чай с пирожками», они учуяли откуда-то проникающую гарь. Убедившись, что на сей раз кухне ничего не угрожает, вошли в прихожую, изрядно задымленную. Осталось открыть дверь — и эпицентр пожара был установлен. Далее читатель уже знает, что было: дверь затушили собственными силами. Прибывшая пожарная команда, убедившись, что очаг локализован, отправилась восвояси, по старой дружбе Славик-поджигатель был предупрежден: «Не поставишь новую дверь, пеняй на себя. А так раздувать шумиху никто не собирается. Ну, ступай домой, проспись, утро вечера мудренее».

А где же тот милиционер, который все время, пока бесновался Славик, находился в квартире, распивая «чай» с тремя милыми существами? Как утверждают, заслышав вой приближающейся пожарной машины, он, не мешкая, сиганул в окно. Видимо, застеснялся...

Что же далее? Как принято в МВД, отделы внутренних дел ежедневно составляют сводку о всех происшествиях, случившихся на вверенным им территориям. Я ответственно заявляю, что ни на следующий, ни в какой-либо другой день сведения о поджоге ни в одну сводку на имя начальника Управления внутренних дел по Киевской области не попали. Как поговаривают, чтобы застраховать себя от всяческих неприятностей, например, как вот этой публикации, один из чернобыльских милиционеров все же побывал в Иванковском нарсуде и, под градом «веских аргументов» склонил судей без традиционного судебного разбирательства расписаться о малосущественности «случайного» поджога и в нецелесообразности привлечения поджигателя к ответственности. И еще поговаривают, один из руководящих начальников НПО «Припять», сам проживающий в Иванкове, как в былые годы воспользовался телефонным правом и подстраховал знакомого: мол, ничего страшного не произошло, парень «хороший», согласен с мнением милиции — слишком ничтожное дело, чтобы отвлекать на него бесценное внимание и время народных судей.

Почему же такие истории происходят в Чернобыльской зоне? Надеюсь, такой вопрос возник не только у меня. Мне кажется, это станет понятным каждому после изложения рассказа корреспонденту «ВЧ» Василия Фатхутдинова, начальника ОВД зоны отчуждения, о состоянии внутренней дисциплины во вверенном ему коллективе.

— Я скажу одно, здесь, в зоне отчуждения, наблюдается систематическое грубое нарушение служебной дисциплины. В основном это выражается в злоупотреблении спиртными напитками пожарными и милиционерами. Им, прибыв на вахту, нужно забыть о водке.

Мы уж знаете сколько милиционеров наказали? И сейчас стоит вопрос о пребывании нескольких сотрудников милиции в зоне. Разве скрешь, что милиция пьет, что у пожарных массовые пьянки — это обычное времяпрепровождение? Однако радует, что руководство пожарной охраны разделяет тревоги милиции, массово привлекает к ответственности своих служащих, и мы со своими не будем цацкаться.

В батальон милиции по охране зоны отчуждения вообще часто прибывают работники, которых не выгнали из органов лишь потому, что существует Чернобыльская зона, куда можно с глаз долой отправить зарвавшегося на прежнем месте службы милиционера(?!).

Прервем на этом монолог Василия Гайнуловича и, как говорится, веренемся к нашим баранам. Предвижу, что у кое-кого возникнет вопрос: стоит ли действительно из-за какой-то двери поднимать шумиху, ведь ничего страшного не произошло, все живы-здоровы, вред, причиненный владельцу дома, в данном случае НПО «Припять», ничтожен? Да, не спорю, обошлось на сей раз более-менее благополучно, но ведь вся эта катавасия могла и развиваться совершенно по другому сценарию...

Представим себе: пламя проникает в квартиру, разрастается, перебрасывается на другие квартиры; вот уже горит весь этаж, другой, третий... То есть, казалось бы, за малозначимым с точки зрения обывателя поступком стоит возможная большая невосполнимая трагедия, в которой могли пострадать люди, ни сном ни духом не ведающие, какие сюрпризы им готовят такие себе славики. Но такие размышления могут показаться лишь досужей болтовней, на которую можно махнуть рукой, что и было сделано работниками дознания. В таком случае обратимся к Уголовному Кодексу Украины, который и расставил все по местам, не смешивая праведное с грешным.

Сначала заметим, что согласно действующему законодательству только суд имеет право определить состав преступления и меру наказания преступнику, если он будет признан таковым тем же судом, однако, коль в нашем случае дело до суда не дошло и, вероятней всего не дойдет, мы имеем право с точки зрения граждан — субъектов права квалифицировать тот или иной поступок по мере его опасности для общества, с чем мы столкнулись на сей раз. Согласимся, что на лицо явное хулиганство с умышленным поджогом, то есть злостное хулиганство, совершенное с особым цинизмом и неуважением к общественному порядку. Согласно ст. 8 УК Украины такие действия трактуются как преступление, а ст. 71 относит такие деяния к тяжкому преступлению, поскольку оно совершено с отягчающими обстоятельствами, повлекшими повреждение «государственного или коллективного имущества».

Вспомним, как милицейский чин доказывал о «случайности» поджога. И здесь УК не безмолствует, ясно и четко говоря, что даже неумышленное преступление карается по всей строгости. Хотя о какой случайности может идти речь? Вспоминается любимое выражение одного моего знакомого, которое наиболее точно определяет такие заявления — детский лепет на лужайке.

В отношении же действий следствия, можно вспомнить ст. 172, которая весьма многообещающе называется — «Служебный подлог». К служебному подлогу относятся действия в виде внесения служебным лицом в официальные документы заведомо неправдивых ведомостей, составление и выдачу заведомо неправдивых документов, а также подделку документов, если эти действия совершены с корыстных мотивов или другой личной заинтересованности. Такие действия караются лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок, или лишением права занимать определенные должности сроком до трех лет

...Мое желание обнародовать случай с поджогом, а затем и с сокрытием его — это не стремление сделать из мухи слона. Речь идет о свободном манипулировании Законом и законностью в зоне отчуждения буквально сверху донизу. В таком случае, что это за законы, которые можно или принимать ко вниманию, или, есть необходимость, и махнуть на них рукой?

Виталий РОМАНОВ.

Из цикла «Зона». Фотоархив «ВЧ».